

Юлия Бишофф

ОСАДОК
В РЕТОРТЕ
СЕРДЦА

18+

Юлия Бишофф

Осадок в реторте сердца

«Автор»

2026

Бишофф Ю.

Осадок в реторте сердца / Ю. Бишофф — «Автор», 2026

Когда случайно проявленное чувство или нечаянное прикосновение разбивает его хваленый контроль, Северин осознает, что столкнулся с зельем, против которого у него нет противоядия. Для мира он остается холодным наставником, но с ней он превращается в того, кем боялся быть всегда: страстного, собственнического, пылающего. Там, где другие видят черствость, она пробуждает ярость жизни.

© Бишофф Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Девочка без цвета.	5
Глава 2. Вкус полыни.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлия Бишофф

Осадок в реторте сердца

Глава 1. Девочка без цвета.

Я вошла в класс слишком тихо.

Настолько тихо, что тяжёлая дубовая дверь за моей спиной даже не скрипнула. Но тишина в кабинете всё равно лопнула, мгновенно, как тонкое стекло под неловкими пальцами.

Десятки глаз повернулись ко мне одновременно.

Как если бы я была тёмным пятном, появившимся на идеальном чистом листе.

— Кто она? — пополз по рядам колючий шёпот.

— Не видела её на распределение...

— Вообще не видели её раньше.

— На последнем курсе? Такого быть не может.

— Может, её отчислили откуда-то?

— Но почему она не в цветах Дома?

Я стояла у порога, вцепившись в ремень сумки так крепко, что побелели костяшки пальцев. На мне был обычный длинный чёрный плащ. Без герба. Без ленты Дома. Без вышитого знака принадлежности. Без всего того, что здесь, похоже, определяла, кто ты такой и каких людей за столом тебе позволено называть друзьями или однокурсниками.

Я приехала только сегодня утром. Церемония распределения по Домам прошла два дня назад. Да и куда, в сущности, меня распределять в последнем учебном году, если даже деканат ещё не решил, что со мной делать? Старосты лишь переглянулись, полистали бумаги и велели просто идти на первое же занятие, пока руководство решает, куда меня пристроить.

Здесь у всех была одежда в цветах Домов: тёмно-зелёные мантии Тисовой Кроны, золотистые принадлежали Золотому Орлу, синие — Сапфировой Волны и серебристые — Серебряной Луны. Эти цвета мелькали повсюду, как знаки давно установленного порядка, в который я не вписывалась. Я выглядела так, будто ошиблась не дверью, а целым миром.

Я попыталась не слушать их и заставила себя сделать шаг.

Потом ещё один.

Шёпот лип к коже, цеплялся за плечи, обвивал мне горло. Я прошла к единственной свободной парте, стараясь не поднимать глаза. Села. Сумка шлёпнулась на пол, эхом прокатившись по полу. У меня внутри всё тоже шлёпнулось куда-то вниз.

Голова кружилась так сильно, будто я всё утро шла вверх по лестнице.

Дверь учительской возле доски распахнулась.

В класс вошла высокая, сухощёкая женщина в строй тёмно-зелёной мантии. Серебристые волосы были собраны в безупречный пучок, и во всём её облике было что-то настолько собранное, что казалось, даже чернила в её чернильнице, стояли по стойке смирно.

Она подошла к кафедре, медленно сняла очки, и неторопливо провела взгляд по классу... и только потом перевела взгляд на меня.

Взгляд её был из тех, что заставляет учеников выпрямиться, даже если они сидели прямо.

— Тишина, — сказала она ровно и спокойно.

Но сказала так, что последние шорохи мгновенно умерли сами собой.

— Прежде чем мы начнём, вам нужно кое-что узнать.

Я почувствовала, как в животе неприятно свело. Как вся спина будто покрылась холодными иголками, когда десятки взглядов снова вонзились мне в затылок.

— К нам перевелась новая ученица, — продолжила она. — Случай... нестандартный.

Кто-то тихо фыркнул.

— Нестандартный — мягко сказано, — шепнули справа.

Профессор бросила в ту сторону удивительно строгий взгляд и там сразу всё стихло.

— Министерство лично одобрило её перевод.

Эти слова ударили меня под дых сильнее, чем если бы Вертис дала мне пощёчину. Внутри всё заledenело. Зачем она это говорит? Каждый слог в этой звенящей тишине звучал как предательство. Мне хотелось вскочить, закрыть ей рот ладонью или самой провалиться сквозь каменный пол, лишь бы она замолчала. «Нестандартный случай»... Для этих студентов это была просто любопытная сплетня, для меня — мишень, которую профессор только что заботливо нарисовала у меня на спине. Если он узнает об этом одобрении, мне не помогут никакие стены. Арканум просто станет местом, где меня найдут.

— Да, я знаю, что перевод между магическими академиями происходит крайне редко. И да, её не было на распределении.

Класс зашевелился, но один её чуть приподнятый палец заставил всех снова умолкнуть.

— Мы не обсуждаем слухи, — отрезала она. — И.... — она чуть наклонила голову, — мы не делаем преждевременных выводов. Она будет временно посещать общие занятия наравне со всеми, а для профильных часов и внутренних практик её пока прикрепят к двум Домам: Тисовой Кроне и Серебряной Луне, пока деканат не определит её постоянную принадлежность.

Позже я пойму, что вводные лекции в Аркануме слушают вместе все дома, как бы ни держались потом отдельно в коридорах, за столами и в своих башнях. Тогда я этого ещё не знала. Я только видела перед собой холодный, отлаженный механизм, в котором у каждого был свой цвет и место, а я попала в него как песчинка.

Вот так.

Просто.

Двух Домов.

Ни там, ни здесь.

Между всеми — и нигде.

— Прошу, — сказала она, слегка кивнув мне. — Представьтесь классу.

Я поднялась и повернулась ко всем.

Руки почему-то раздражающе заметно дрожали. Я сжала их крепче, как будто мне это когда-то помогало. Передо мной было столько странных взглядов, чужих лиц и чужих немых вопросов. У всех уже было место в этой академии, и только я одна стояла, как неудачно вставленный фрагмент в чужой мозаике.

— Меня зовут Эллин Роуэн, — сказала я, стараясь выговорить каждое слово чётко.

Голос, к счастью, не сорвался.

Я перевела взгляд на учеников. И замерла.

Среди привычных лиц — человеческих, таких же, как я мелькали совсем другие. Остроконечные уши, выглядывающие из-под серебристых волос. Призрачно-бледная кожа, светящаяся изнутри. Кто-то в углу был ниже всех ростом, но смотрел с таким достоинством, что становилось ясно: передо мной гном, и он здесь не случайно.

В прежней академии такого быть не могло. Там учились только люди. И только из богатых семей. Кроме меня.

Здесь же за партой в первом ряду сидела девушка с кожей цвета молодой коры и волосами, в которых запутались живые листья. Дриада. Я читала о них, но никогда не видела вживую. Она что-то писала в блокноте, и кончики её пальцев слабо светились зелёным.

Я отвела взгляд, чувствуя, как внутри разрастается странное, непривычное чувство. Осознание того, что этот мир — не тот, где я была раньше. Здесь другие правила.

— Прекрасно. Присяживайся. Я профессор Вертис, — произнесла она. — И надеюсь, что все вы отнесётесь к нашей новой ученице уважительно. Наша академия — это не просто место обучения. Это сообщество. Даже семья. И каждый из вас его часть.

Семья.

От этого слова мне стало почти смешно, но я сдержала кривую усмешку и села обратно на своё место.

Она снова надела очки и, уже поворачиваясь к доске, добавила.

— А теперь откройте учебники. Урок начинается.

Первое занятие пролетело почти незаметно: сухие формулы, основы, повторение уже знакомого материала. Всё было будто в сером тумане. Я слушала не столько профессора Вертис, сколько себя, своё дыхание, свой пульс, своё неловкое, чужое присутствие в этом классе.

Я пыталась понять, где именно теперь нахожусь.

В какой жизни.

И в какой роли.

Следующие дни слились в однообразное серое марево. Я научилась ходить по коридорам, прижимаясь к стенам и сливаясь с тенями, как настоящая черная ворона. Я изучила все виды тишины: высокомерное молчание «золотых», брезгливое перешептывание дриад и тот вакуум, который образовывался вокруг моего места в столовой. Обед в одиночестве под сотнями оценивающих взглядов стал моим ежедневным испытанием на прочность. К пятнице я знала точно: в этом ярком, цветном мире Арканума для меня нет места. Я чувствовала себя чёрной вороной на фоне других, это звучало бы смешно, если бы не было так грустно.

Моим единственным убежищем стала комната, которую мне отвели в верхнем крыле, почти под самой крышей. Подниматься туда приходилось долго, по узкой винтовой лестнице, мимо всё более редких факелов и всё более холодного камня. К тому моменту, когда я добиралась до двери, ноги уже гудели, а злость на Арканум становилась почти физической.

Мне говорили, что это временно.

Временность — удивительно неприятная вещь. Она не даёт распаковать вещи до конца и не позволяет назвать даже самую маленькую комнату своей.

Сама комната была действительно маленькой и ужасно прохладной, особенно по утрам и вечерам. Её обустроили для меня наскоро, пока вопрос с Домом оставался нерешённым. Узкая кровать, письменный стол, деревянный шкаф, который скрипел так, будто жаловался на моё вторжение не меньше живых людей. Но именно здесь меня никто не разглядывал. Никто не ждал, что я окажусь своей. И очень быстро эта комната стала не наказанием, а убежищем.

И ещё здесь было окно.

Из него открывался вид, который почти примирял меня с бесконечными лестницами и холодом. Внизу тянулся тёмный густой лес, такой плотный, что издали он казался не деревьями, а единым живым телом. Дальше темнели холодные и далёкие горы, как будто не из этого же мира. Вдоль стен академии серебрилась река; в ясную погоду можно было разглядеть старый каменный мост, а если смотреть правее — белёсый туман там, где вода срывалась в водопад. Иногда я подолгу сидела у окна, даже когда мёрзли руки. Мне было важно видеть, что за пределами Арканума есть пространство, которое не требует от меня имени, цвета и разрешения на существование.

В тот вечер я долго не зажигала свечу. Просто сидела на подоконнике, закутавшись в грубый шерстяной плед, и смотрела, как темнеет лес.

Академия подо мной жила своей чужой, цветной и уже сложившейся жизнью. А я пока существовала где-то сбоку от неё, в комнате под крышей, между тёмным окном и чёрным плащом, который так и не решилась снять сразу.

Но, может быть, укрытие это и есть первое, что нужно каждому человеку, прежде чем он начнёт бороться за место в мире.

Тогда я ещё не знала, что очень скоро у Арканума найдётся для меня и другое место. Гораздо опаснее.

К концу первой недели должно было быть только зельеварение. И я была рада, что этот день будет коротким, и что я смогу после опять спрятаться в своей комнате на все выходные.

Коридор, ведущий вниз в подземелье, гудел словно улей. Ученики всех Домов стекались сюда плотной толпой: кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то пытался проскочить вперёд, чтобы успеть занять места получше. Я шла чуть позади, в своём чёрном плаще, словно в собственной тени. Никто меня не толкал, но все словно держали вокруг меня крошечную дистанцию.

Запах сырой каменной кладки и сушёных трав становился всё гуще.

Когда двери лаборатории распахнулись, толпа мгновенно стихла, шум оборвался так резко, так что мне стало как-то не по себе.

Никто не смеялся.

Никто не разговаривал.

Никто не делал лишних движений.

Такой дисциплины не было ни на одном уроке до этого.

А ведь профессор ещё даже не вошёл.

Неужели преподаватель настолько строгий, что все так себя ведут или я ещё чего-то не знаю.

Все старались занять передние столы. Я зашла последней, и мне досталось место у двери, самое дальнее от кафедры, не то, чтобы я расстроилась. Здесь у меня было больше шансов быть незамеченной. Поэтому просто спокойно села на свой стул позади всех и положила на стол блокнот и перо.

Лаборатория была огромной. Длинные ряды столов с врезанными каменными раковинами, шкафы с ингредиентами за мутноватым стеклом, аккуратно расставленные котлы. Над столами висели медные лампы, отбрасывающие тусклый, почти болотный свет.

На кромке ближайшего шкафа кто-то когда-то выжег крошечный знак в виде спирали, а потом попытался его соскрести. На медной трубе у стены тянулась вязь рун, удерживающих тепло. Под потолком формировались причудливые витиеватые рисунки, словно лоза этих мазков неустанно переплеталась, всё ещё находя новое пространство. И всё это вместе делало место не просто академической лабораторией, а чем-то более старым, более серьёзным, давая понять, что Арканум существовал раньше своих учеников и будет существовать после них, даже если однажды нас всех отсюда вышвырнут, как неудачные ингредиенты.

Казалось, что даже время здесь тянется медленнее.

Дверь за моей спиной закрылась почти беззвучно.

И всё же я почувствовала это как прикосновение холодка по коже.

Он вошёл.

Высокий.

Не просто выше остальных — выше настолько, что в дверном проёме на миг всё вокруг будто стало меньше и теснее. На нём была чёрная мантия, скользящая по полу, как тень, без единой лишней складки, но ткань не смягчала его, а, наоборот, подчёркивала сухую, собранную силу фигуры. В нём не было ничего округлого, удобного для взгляда. Лишь линии, углы и магнитичное напряжение. Резкие, но точные и уверенные движения.

Его лицо не назовёшь красивым сразу. Слишком вытянутое, слишком резкое, с высокими скулами, длинным прямым носом, но в то же время таким спокойным и замкнутым, будто эмоции сжаты до плотного, опасного ядра. Но чем дольше смотришь, тем труднее отвести взгляд.

Волосы падали на плечи тяжёлыми чёрными прядями, чуть длиннее, чем позволяла здешняя сдержанность. Не идеально гладкие, не приглаженные, а живые, упрямые, с тем неровным изгибом, который почему-то делал его ещё опаснее на вид.

Когда он прошёл вдоль столов, одна прядь качнулась у щеки, и это короткое движение показалось мне странно человеческим на фоне всего остального в нём, слишком собранного, слишком контролируемого, но воздух словно стал немного плотнее.

Все ученики резко встали в знак уважения.

Я к такому ещё не привыкла и немного растерялась и позже остальных встала, создав много ненужной возни и шума.

Этот человек не требовал тишины. Она сама наступала даже задолго до его появления.

Он остановился возле кафедры, положил на неё кожаную папку, раскрыл её одним лёгким взмахом волшебной палочки и поднял взгляд на класс, пока учебник и все необходимые фолианты плавно располагались каждый на своём законном месте на столе.

Я успела подумать, что, может быть, он меня не заметит.

Что, если мне повезёт, я так и останусь маленькой ошибкой на периферии его внимания.

Не повезло.

Его взгляд медленно прошёл по мне снизу-вверх, задержался на чёрном плаще, на пустом месте там, где у всех остальных были знаки Дома, потом поднялся к лицу, словно пытаюсь понять, что я за аномалия такая, вторгшаяся в его идеально структурированный мир.

Его тёмные, глубоко посаженные глаза были внимательные настолько, что возникло ощущение, что этот человек смотрит не на моё лицо, не на мой плащ, не на то, как я стою, а туда, где я сама ещё не решила, кто я и чего стою.

И что-то в его взгляде на миг изменилась.

Не удивление.

Не раздражение, как было всю неделю с некоторыми другими профессорами.

Скорее... настороженный интерес, скрытый под толщей холодной дисциплины, но живой. Как будто он увидел не очередную ученицу, а что-то, что стоило рассмотреть внимательнее.

Он не отвёл взгляд сразу, и мне захотелось спрятаться за моими рыжими волосами, став максимально меньше, прозрачнее, иллюзорнее.

— Садитесь, — произнёс он наконец. Голос его был низким и глубоким, даже немного хриловатым, в тоне чувствовалась сталь.

Все сели мгновенно.

— В том году вы меня изрядно разочаровали, — сказал он, обводя класс взглядом. — Я надеюсь, что в этом году картина будет менее удручающей.

Он не повышал голос.

Ему это было не нужно.

Класс слушал его так, словно боялся пропустить хотя бы звук.

— Для тех, кто у нас за каникулы растерял память, я профессор Северин Рейвлок, — он произнес это не акцентируя внимание на мне, за что я ему была благодарна.

Северин Рейвлок.

Вот он. Тот самый преподаватель, о котором ходили легенды. Строгий. Безжалостный. Величайший мастер зельеварения за последние два века, несмотря на то что он был довольно молод, лет тридцать пять на вид. И человек, на чьё занятие мне было от чего-то страшнее всего идти.

— Сегодня, — начал он, проходя между столами, — вы попробуете приготовить зелье, которое требует... дисциплины. И точности. А также способности слушать, даже когда вы уже уверены, что всё поняли.

Он остановил короткий акцентирующий взгляд на блондинке в среднем ряду, той самой, чьё лицо я успела запомнить среди первых, слишком красивой и слишком уверенной в своём праве быть здесь. Та даже едва заметно напряглась, понимая, что речь идёт о ней.

Одним щелчком пальцем он преобразил столы.

Они покрылись металлическими листами, на них встали котлы на специальных подставках, а справа у каждого аккуратно появились необходимые ингредиенты и в нужном для этого зелья количестве. Не каждый волшебник мог колдовать, не используя палочку, это меня удивило.

— Мы будем готовить зелье лунного света. Откройте "Углублённый курс зельеварения" на странице девяносто шесть. Это довольно редкое сомномантическое зелье, позволяющее временно вступать в сновидения другого человека. Активируется исключительно при естественном лунном свете. Войдя в сон, маг получает возможность взаимодействовать с образами, сформулированными сознанием спящего, а также влияет на его эмоциональное состояние.

Он рассказывал больше, чем было написано в учебнике.

Намного больше.

Не пересказывал. Разворачивал тему так, словно зелье было не просто формулой, а живой системой, в которой каждая мелочь имела свой смысл.

Я открыла блокнот и начала быстро записывать всё что он говорить.

— Сегодня все необходимые ингредиенты уже лежат перед вами. На следующем занятии вы должны собрать их сами. Для начала подогреть дистиллят на минимальном огне до лёгкого сияния. Затем добавьте ночную фиалку и перемешайте восьмёркой, пока жидкость не станет полупрозрачной.

Остальные уже начали работать.

Я всё ещё писала.

Он это заметил. Я почувствовала его взгляд и подняла глаза от записей, он скользнул по моему столу, по открытому блокноту, по ещё пустому котлу. И его левая бровь едва заметно дрогнула вверх, но он ничего не сказал.

— Подожгите серебряную нить и бросьте пепел в котел. Смесь должна слегка потрескивать. Затем добавьте туманную эссенцию ровно по капле, иначе зелье станет нестабильным, — продолжил он, проходя среди рядов. — Когда поверхность зелья станет гладкой, аккуратно влейте ртутные слёзы лунника. Но прежде трижды взболтайте против часовой стрелки. В финале подожгите волос аратинского единорога и бросьте пепел в котёл. Готовое зелье должно мягко светиться и отбрасывать серебристые блики при любых движениях.

Как только он закончил, я наконец отложила перо в сторону и приступила к готовке.

Времени у меня уже оставалось меньше, чем у остальных.

— Даже не знаю, смогу ли, — прошептала я сама себе под нос.

Но стоило взять в руки первый ингредиент, как что-то щёлкнуло в голове. Мои пальцы двигались уверенно.

Ночная фиалка пахла влажной ночью и чем-то почти стеклянным. Дистиллят отозвался на нагревание тонкой дрожью света. Пепел серебряной свечи лёг в жидкость так, будто ждал именно этой секунды. Всё вдруг стало не набором инструкций, а ритмом, который я почему-то слышала.

В прежней академии у меня никогда так не получалось. Там зельеварение было для меня бесконечной неловкостью, словно все остальные знают какой-то тайный язык, на котором со мной забыли заговорить.

А здесь я вдруг всё поняла, он донёс информацию так понятно, что, какая-то завеса пала в моей голове и я получила тайный ключ к этим знаниям.

Тень упала на мой стол.

Я подняла глаза.

Северин Рейвлок стоял рядом.

Он молча смотрел в мой котёл.

Я уже ждала, что сейчас услышу ледяное замечание. Приказ всё вылить. Или ещё хуже — его спокойное разочарование.

Он молчал так долго, что у меня успела вспотеть ладонь на рукояти ложки.

— Довольно неожиданно, — произнёс он наконец не меня выражение лица, но с заметной сдержанной ноткой интереса. — Но, верно.

Я замерла.

Сердце ударило где-то под рёбрами так резко, что стало почти больно.

Это что сейчас было?

Похвала?

Никто никогда меня не хвалил.

Хоть его похвала и была с его стороны тихой и холодной, но внутри у меня что-то запело от благодарности.

Класс вокруг шумел где-то далеко. Кто-то звякнул ложкой, упавшей на пол, кто-то зашептался, кто-то выругался сквозь зубы. А я сидела словно в прозрачном пузыре, где были только я, мой котёл и мягкое свечение его внимательного, холодного и пронизательного взгляда.

— Зелье впервые создал маг-сомномант Лориан Эстель около 400 лет назад, — заговорил он уже на весь класс, продолжая обход. — Он был известен тем, что лечил людей от магических кошмаров после войны. По легенде, Лориан потерял сестру, впавшую в магическую кому после столкновения с необычным существом из сна. Он отчаянно искал способ проникнуть в её сознание и вернуть обратно. Наблюдая, как лунный свет влияет на чувства и память людей, Лориан предположил, что сочетание лунной энергии и трав, связанных со сновидениями, позволит создать своего рода мост в сон. После множества неудачных экспериментов он всё же смог создать формулу. Говорят, ему удалось войти в сон сестры... но вывести её он не смог. Но хотя бы мог с ней общаться и избавить от кошмаров.

Он продолжал рассказывать, а я периодически отвлекалась, делая пометки в блокнот.

И вот я добавила последний ингредиент.

Зелье заколыхалось и засияло мягким, равномерным светом.

Рейвлок остановился снова у моего стола.

— Хорошо, — сказал он.

— Довольно Хорошо, - поправил он после заметной паузы, голос был чуть мягче, чем прежде. — Продолжайте в том же духе.

Сердце бешено колотилось. Я впервые почувствовала, что могу что-то, что мне раньше никогда не удавалось. Что я начала понимать предмет.

— Полагаю, что вы понимаете базу, — произнёс он уже тише, обращаясь ко мне.

— Да, — ответила я. — Я...мне было действительно интересно.

Он кивнул.

Коротко. Почти резко.

— Тогда держитесь заданного направления. И запомните база также важна, как и практика.

Он слегка наклонился, чтобы проверить состояние котла, и в этот момент его тень коснулась моей руки. Ничего, казалось бы, особенного, но я почувствовала, как всем телом напряглась. Мне показалось, что даже воздух между нами стал плотным, как невидимая стена, и в этой тишине я слышала, как бешено колотится моё собственное сердце. Я боялась даже дышать, чтобы не разрушить этот странный момент внимания — первый раз, когда на меня смотрели не как на мусор, а как на человека, способного на нечто большее.

— Занятие окончено, — сказал он наконец и, не добавив ничего больше, направился к выходу.

Ученики медленно зашевелились, собирая вещи и начали покидать класс. Кто-то был рад, что первая неделя закончилась и впереди их ждали два дня выходных. Кто-то уже жаловался, что зелье вышло мутным. Кто-то косился на меня слишком явно, после сегодняшнего занятия.

Я же уходила из лаборатории лишь с одной ясной, почти пугающе мыслью.

Впервые за неделю кто-то оценил мой ум, а не моё происхождение. И я не позволю этому человеку во мне разочароваться.

Не просто получать хорошие оценки.

Я хочу понять всё.

И почему рядом с ним мир вдруг начинает складываться в правильный порядок.

Эта мысль была слишком большой для этого дня. Слишком жадной. Почти стыдной. В мире, где за моей спиной слишком долго смыкалась тьма, его ледяная дисциплина казалась мне самым безопасным местом на земле. У него всё имело смысл. У него ингредиенты подчинялись воле, а ошибки имели цену, которую можно было исправить трудом.

Я не просто хотела учиться у него.

Я хотела стать частью этого порядка, где я — это не моя бедность или мой страх, а то, что я могу создать своими руками. Поднимаясь обратно из подземелий, я поймала себя на том, что больше не оглядываюсь на тени в углах.

Я думала только о следующей пятнице.

Глава 2. Вкус полыни.

Выходные пролетели почти незаметно.

Я почти не выходила из комнаты. Сидела на подоконнике, обложившись всем что успела найти в библиотеке по зельеварению. Пыльные тома, скучные на вид, с потёртыми корешками и слишком тяжёлыми названиями, казались мне сокровищами. Впервые за долгое время во мне проснулась жажда знаний, впервые у меня реально что-то получалось и самое главное мне это нравилось.

Я перечитывала инструкции, базовые трактаты, старые комментарии к формулам, справочники по ингредиентам, даже сухие каталоги алхимических ошибок. Делала заметки на полях в свой блокнот, иногда перечитывала снова. Я так хотела, чтобы у меня получалось, чтобы опять услышать слова, даже такой сухой, похвалы.

Я сравнивала варианты, споря в уме с авторами. Возвращалась к той самой формуле зелья лунного света, будто она могла за два дня раскрыть мне все свои тайны, если я буду смотреть достаточно внимательно.

Конечно, не могла.

Всю неделю я перечитывала свои записи с того первого урока столько раз, что выучила их наизусть. Каждое его слово. Каждую паузу. То, как он сказал «довольно неожиданно» — с лёгким наклоном головы, будто я была загадкой, которую он не ожидал встретить.

Я думала об этом в библиотеке, засыпая, просыпаясь, даже за едой, которую почти не чувствовала. Это было глупо. Опасно. Но я не могла остановиться.

С каждым часом я всё сильнее хотела вернуться в подземелье.

Зельеварение у нас было только по пятницам, и неделя тянулась, превращаясь в бесконечную череду серых лиц.

Когда же наступила пятница, я быстро направилась в лабораторию.

Класс распределился на тех же местах, так же тихо, что и в прошлый раз, я заняла своё прежнее место у двери. Как только вошёл Северин Рейвлок все встали — точно так же, как в прошлую пятницу. Но теперь я ждала этого. Ждала и его, и эту тишину, и тот особый, почти болезненный порядок, который входил вместе с ним.

— Сегодня мы повторим зелье лунного света, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, без всяких вступлений. — Обратите внимание, что сегодня вы должны сами взять все необходимые ингредиенты.

Он указал палочкой на огромный шкаф у дальней стены.

За стеклом поблёскивали десятки банок и склянок: сушёные лепестки, порошки, капсулы, корни, завязанные в пучки травы, пепел, слёзы, эссенции, всё в идеальном порядке. Ученики сразу двинулись туда плотной, раздражённой толпой.

— Сколько нужно ночной фиалки?

— Не трогай это, оно моё.

— Кто взял серебряную свечу?

— Там две банки, слепой, что ли?

Я подождала, пока толпа схлынет. Потом спокойно подошла со своим подносом и начала собирать нужное, параллельно сверяясь со своими записями. Ночной фиалки и пепла серебряной свечи — ровно столько, сколько требовалось для одного цикла, без запаса. Ртутные слёзы лунника пришлось искать дольше: склянка стояла в глубине второй полки, за рядом одинаковых флаконов.

— Осторожнее, — раздалось за спиной.

Я обернулась.

Та самая светловолосая девушка с прошлого занятия стояла почти вплотную. Вблизи она была ещё красивее и ещё неприятнее. Холодная красота, безупречная и острая. Светлые волосы были уложены так, будто даже ночью они не смели лежать неидеально. На манжете её мантии поблёскивал знак дома, а на губах играло выражение, очень похожее на скуку, но на деле состоявшее из презрения пополам с привычкой судить.

— Некоторые ингредиенты не любят, когда их хватают без понимания, — сказала она. — Особенно теми, кто до сих пор даже не знает, где его место.

Голос у неё был негромкий, сладковатый и оттого особенно ядовитый.

Она взяла с полки склянку с ртутными слезами — ту самую, которую я искала. Поддержала её перед моим лицом, будто показывая ребёнку игрушку, которую он никогда не получит.

— Это, например, требует не только понимания, но и статуса. Знаешь, сколько стоит одна капля? Больше, чем твоя стипендия за год, я думаю.

Она усмехнулась и унесла склянку себе на стол.

Я ничего не ответила, но кончики пальцев закололо от желания выбить склянку из её холеной руки. Подавив порыв, я просто достала другой флакон, он оказалась на полке выше, я едва достала, и отошла к своему столу. Если честно за эти две недели я уже привыкла к такого рода поведению со стороны учеников. Но от этого было не легче.

Я ещё не знала её имени. Но уже понимала: она из тех людей, которым само существование чужой неловкости доставляет почти эстетическое удовольствие.

Раскладывать ингредиенты на столе я стала ровно так, как первый раз разложил их профессор и приступила к работе.

Я не сразу заметила, что он наблюдает.

Рейвлок проходил между рядами, делая короткие замечания. У кого-то было слишком много пепла. Кто-то перегрел дистиллят ещё до первого этапа. Кто-то спутал ртутные слёзы лунника с обычной очищенной ртутью, и от одного только взгляда на чужой стол мне стало нехорошо.

Потом он подошёл ко мне.

Остановился.

И снова это его долгое молчание.

Щёки у меня почему-то вспыхнули.

Неужели я тоже сделала что-то не так, как и остальные?

Почему он так долго молчит?

— На удивление приемлемо, — сказал он наконец.

Приемлемо.

Это слово должно было обидеть.

Любого другого — может быть, и обидело бы.

Но во мне оно взорвалось почти счастливой болью. Потому что я уже начала понимать его язык. Приемлемо в его устах не означало «сносно». Это означало: я вижу, что вы делаете. Это имеет право существовать. Продолжайте.

Такая сдержанная и тихая похвала, едва заметная, но для меня она казалась целой вселенной.

Он перевёл взгляд с котла на мой блокнот, раскрытый на столе. Я инстинктивно захотела прикрыть его рукой, но он уже всё видел — мои схемы, пометки на полях, стрелки, связывающие разные формулы.

— Систематизируете, — сказал он, как бы констатируя увиденное.

— Я... пытаюсь понять логику, а не просто запомнить.

Короткая пауза. Я боялась поднять глаза.

— Редкое качество, — произнёс он и двинулся дальше, не добавив больше ни слова.

Я почувствовала, как в классе изменился воздух. Несколько человек обернулись на мой стол, и от этого внимания становилось дурно. В том числе обернулась и она — светловолосая. Её взгляд теперь был не просто презрительным. В нём появилось что-то жёсткое, напряжённое. Я бы сказала — злое удивление, если бы это не звучало слишком напыщенно.

Опустив глаза в котёл, я продолжила работать. Щёки всё ещё горели.

Весь оставшийся урок я была почти болезненно собрана. Он проходил между рядами, исправляя чужие ошибки, а рядом с моим столом задерживался дольше, чем следовало бы. Иногда слегка корректировал.

— Чуть быстрее на этом этапе.

— Нет. Не сейчас. Ещё две секунды.

— Именно так.

От этих тонких, точных толчков в нужную сторону внутри всё собиралась в ещё более острое внимание.

Когда урок закончился, класс зашумел. Стулья отодвинулись, кто-то поспешил к двери, кто-то ещё спорил о цвете своего зелья, кто-то бросал на меня слишком быстрые взгляды, надеясь, что я не замечу.

Я не спешила. Мне нужно было записать его короткие замечания, пока они были ещё живыми и не распались в памяти на общее ощущение. Я быстро делала пометки на полях блокнота, пока котёл остывал.

Зелье получилось лучше, чем в прошлый раз.

Не идеально. Но чище. Ровнее. Свет в нём был не просто красивым — послушным. И у меня в груди снова разгорелась та же маленькая, упрямая искра, которую я почувствовала в первую пятницу.

Когда шум в лаборатории стих окончательно, я поняла, что осталась одна.

Воздух теперь пах иначе, тёплым металлом, травяной пылью и остаточным паром. Я медленно вымыла котёл, вытерла стол, аккуратно сложила пустые баночки. Этот маленький ритуал уборки оказался неожиданно успокаивающим. Почти медитативным. Будто, наводя порядок вокруг себя, я на несколько минут могла навести его и внутри.

— Вы что-то забыли, мисс Роуэн?

Я вздрогнула так сильно, что едва не уронила полотенце.

Он стоял в проёме двери своего кабинета, прислонившись плечом к косяку, сложив руки на груди. Мантия почти сливалась с темнотой за его спиной, и только лицо и руки были ясно видны в тусклом свете ламп. Он не двигался, просто смотрел, ожидая моего ответа.

— Нет, профессор, — ответила я слишком быстро. — Просто... наводила порядок.

— Уборкой занимаются домовики. Или провинившиеся первокурсники.

Он сделал несколько шагов ко мне. Медленно, но с той же уверенностью, от которой пространство вокруг будто само отодвигалось.

— Для меня это не наказание, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать, насколько глупо это прозвучит. — Здесь спокойно.

Последнее слово я произнесла уже тише.

Он остановился в двух шагах.

Его взгляд задержался на моём лице. Так, будто он пытался решить, вру ли я, притворяюсь ли, или действительно говорю правду.

— Ваше зелье лунного света, — произнёс он наконец. — Вы изучали не только учебник. Верно?

У меня внутри всё сжалось.

Он заметил.

Конечно, заметил.

— Вы изменили порядок введения туманной эссенции. Почему?

Жар прилил к щекам.

— В учебнике сказано — по капле после пепла, — начала я осторожно. — Но эссенция тяжелее. Она опускается вниз и создаёт нестабильный слой, если вводить её слишком поздно. Я добавила раньше, тонкой струйкой по стенке котла, пока состав ещё сохранял вращение. Так она распределяется равномернее.

Я ждала критики. Или хотя бы сухой выговор за самовольство.

Вместо это он подошел к моему столу.

Настолько близко, что я почувствовала запах сухой и горькой полыни, бумаги и чего-то холодного, почти металлически чистого — запах, который, кажется, принадлежал только ему и этой лаборатории.

— Равномернее, — повторил он без всякой интонации.

Его длинные пальцы коснулись края моего стола, рядом с блокнотом.

— И где именно вы это прочитали?

— В трактате Иара Тальвина, — ответила я. — В библиотеке. Он был в отделе старых комментариев, в сборнике по дистилляции и вторичным эссенциям.

Мгновение тишины показалось вечностью.

Я готова поклясться, что уголок его рта дрогнул. Нечто настолько мимолетное, что можно было принять за игру света. Но я точно знаю, что это была она. Улыбка. Невидимая почти, но настоящая.

— Неплохо, — он откинул прядь иссиня-чёрных волос, и его взгляд стал чуть менее отстранённым.

У меня снова перехватило дыхание.

— Спасибо, профессор Рейвлок.

Он кивнул, уже отворачиваясь, его мантия взметнулась за ним.

— Лаборатория после пяти запирается. Не задерживайтесь здесь без необходимости.

С этими словами он ушёл обратно в кабинет, оставив меня одну

Я стояла посреди пустой лаборатории, прижимая блокнот к груди. Воздух ещё хранил его запах и его слова. Но в голове крутилось с новым, почти жадным ощущением: я ещё ничего не понимаю по-настоящему. И именно поэтому хочу понять всё на что я способна.

Когда я вышла из подземелий в главный холл, меня будто выбросило из тихого омута в бурлящий поток. Арканум жил своей обычной пятничной жизнью: группа студентов торопились к лестницам обсуждая что ещё успеют в соседнюю деревню до отбоя, кто-то шумел у витражных окон, группы разных Домов смеялись, переходя из зала в зал, призрачные огни уже зажигались под сводами.

Я потянулась к лестнице, ведущей в башню моего временного пристанища, но ноги сами понесли меня в зимний сад. Мне хотелось тишины, запаха земли и цветов, которые я так любила, пусть даже под стеклянным колпаком. А в сумерках это место было волшебным. Гигантские лунные лилии уже начинали светиться мягким голубоватым сиянием, а воздух был как всегда густым и влажным. За стеклянными стенами проступал вечерний туман, а между широкими листьями папоротников медленно стужались зелёные тени.

Я шла по узкой тропинке и с каждым шагом тревога, что клокотала во мне с самого утра, понемногу отступала, уступая место странному, хрупкому спокойствию после разговора с Рейвлоком. Разговор с ним всё ещё жил во мне, как скрытый жар под кожей. От одной мысли о его внимании становилось одновременно лучше и хуже.

И именно тогда я услышала их.

Женские голоса.

Они доносились из-за высокой живой изгороди из магического самшита, чьи листья шептались сами по себе.

— я просто не понимаю, что он в ней нашёл. Безродная грязь, даже цвета своего не имеет, — это был высокий, сладковатый голос той блондинки из Дома Сапфировой Волны, в нём прям чувствовалась неприятная вязкость.

— Говорят, её выгнали из прежней академии за то, что она чуть не угробила однокурсника на практике, вроде он из какой-то богатой семьи, — тут же подхватил другой, подобострастный голос.

— Или за что-то похуже, — произнёс с ледяной язвительностью насмешкой кто-то ещё. — Но таких, как она, обычно не переводят, а исключают. Навсегда.

Я застыла, сжимая ремень сумки. Кровь привела к лицу.

"Не обращай внимание. Просто иди", — приказывала я себе. Но ноги стали ватными.

— А сегодня она вообще вообразила себя алхимиком, — продолжил голос первый голос. — Видела, как Рейвлок на неё смотрел? Будто оценивал.

— Он на всех так смотрит, Леантра. Он же профессор.

— Нет. Не так. — в голосе блондинки прозвучала сдавленная злоба, плохо спрятанная за презрением. — Ладно, не важно. Это ненадолго.

Раздался тихий, злобный смешок и шелест ткани. Листья самшита дрогнули, и из-за изгороди показалась блондинка в своей безупречной мантии цвета морской волны, закинутой на одно плечо с небрежной грацией. За ней шли ещё две, словно две тени, очевидно привыкшие быть фоном при чужом превосходстве.

Увидев меня, она не смутилась. Наоборот, её голубые глаза сузились, а на губах расплылась тонкая, ядовитая улыбка.

— О, смотрите-ка, кто здесь. — произнесла она. — Наша новая звезда зельеварения.

Она медленно подошла ближе.

Теперь я видела её совсем ясно. Красота у неё была совершенная и холодная, как у статуи, выточенной безупречным скульптором. И оттого почти неживая.

— Наслаждаешься своим триумфом? — спросила она мягко. — Думаешь, один удачный котёл что-то меняет?

Я не ответила.

Не потому, что мне нечего было сказать. Наоборот. Слишком многое. Но я уже знала этот тип людей. Им нужен не ответ, а отклик. Любая кровь на зубах делает их только веселее.

— Ты здесь никто, — продолжила она, чуть наклонив голову. — Просто странное пятно на картине, которое все стараются не замечать.

Она бросила на меня ещё один взгляд — медленный, оценивающий, полный уверенности в собственном праве говорить такие вещи — и резко отвернулась.

— Идёмте, — сказала она своим спутницам.

Одна из них, проходя мимо, нарочно задела меня плечом.

Они ушли, оставив после себя шлейф дорогих духов и яда. Я стояла в тени папоротников, глядя им в спины, и знала одно: пятно на картине — это то, что первым бросается в глаза. И я сделаю всё, чтобы они не смогли отвести взгляд. Сердце колотилось где-то в горле от обиды и гнева. Её слова, как иглы, впивались в самое больное я действительно была здесь пятном. Даже мой маленький успех на зельеварении

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.